

БЕЛЫЕ КАЧЕЛИ

КНИГА ПЕРВАЯ: ДЕТСТВО

Наталья Сарычева

Наталья Сарычева

Белые качели

<https://litres.ru/73998053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда так хочется вернуться в детство, когда рядом были мама, папа, брат или сестра, вспомнить голоса родных, снова прочувствовать теплоту и уют родного дома. И никуда не надо торопиться, не надо решать взрослые проблемы.

«Белые качели» (книга первая) – это повесть о детстве девочки Ариши, которая, как и другие дети, очень привязана к родителям. С папой у нее хорошие, теплые, доверительные отношения, основанные на дружбе и взаимопонимании. А вот с мамой не получается такого теплого общения, несмотря на ее заботу о дочери и сыне, между ними не возникает той душевной близости, о которой мечтает девочка. Но наступит день, когда Ариша узнает семейную тайну, которая полностью изменит их отношения с мамой.

Книга «Белые качели» понравится тем, кто хочет вспомнить свое советское детство и любимых родителей.

Содержание

Глава 1. Папа, мне с тобой интересно	4
Глава 2. Сюрприз для дочки	10
Глава 3. Поговори со мною, мама	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Сарычева

Белые качели

Глава 1. Папа, мне с тобой интересно

В маленькой светлой комнате с желтыми занавесками на широком окне у детской кроватки стоял мужчина лет тридцати пяти, с темными широкими бровями, светлыми глазами, в серой кепке, из-под которой торчали поседевшие коротко стриженные волосы. Его взгляд был устремлен на полугодовалую девочку с круглыми розовыми щечками, сладко посапывающей во сне. Борис Сергеевич, так звали мужчину, с умилением глядел на свою дочь Аришу и улыбался. С момента рождения он так привязался к этой девочке, что с нетерпением ждал ее пробуждения, чтобы вновь увидеть ее добрые, смотрящие с любовью на него глазки, ее маленький прелестный ротик на белом личике. Постояв еще немножко, мужчина решил не тревожить дочурку, поправил детское одеяло в белом пододеяльнике и тихонько покинул комнату. Он прошел через другую большую комнату, служащую залом, обставленную мебелью, затем прошел через просторную прихожую, дверь из которой вела в коридор и на веран-

ду, и вышел через заднюю дверь на двор.

Перед ним расстилались два больших участка земли прямоугольной формы, которые были засеяны картофелем, третий участок перед домом предназначался для теплиц, посевов овощей и ягод. У забора, у самой кромки земли, копошилась женщина средних лет, его жена. Она бодро встряхивала картофельную ботву, затем собирала в ведро упавшие на землю картофелины. Ее длинные русые волосы, заплетенные в косу, свисали из-под косынки до талии. Женщина строго посмотрела на мужа своими зелеными глазами и громко произнесла:

– Что так долго? Работать надо, а ты каждые полчаса ходишь проверять. Я и сама знаю, когда кормить ребенка.

Елизавета Павловна, так звали женщину, всегда говорила громко и строго, видимо, сказывалась ее работа учителем в местной школе. Борису Сергеевичу не понравился строгий учительский тон жены, и, нахмутив брови, он тоже ответил ей твердым сердитым голосом:

– Одну дочку уже потеряли! Не хочу и вторую потерять!

Сказав это, он тотчас же пожалел о сказанном. Елизавета Павловна выронила картофелины из рук, выпрямилась, отвернула лицо и вытерла рукавом кофты слезу, скатившуюся по ее щеке. «Зачем он напомнил ей о несчастье? Зачем снова не сдержался? – подумала женщина. – Я и сама помню и не забываю эту боль».

– Прости, Лиза! – воскликнул тревожным голосом ее

муж. – Я не хотел тебя обидеть! Прости!

Елизавета Павловна вновь принялась за работу. Борис Сергеевич воткнул лопату и молча вытащил новый куст на поверхность. В это время на тротуарах из-за дома показались их старший сын Алеша, шустрый темноволосый кудрявый мальчик лет семи. Он нес в руках пустое ведро и улыбался.

– Нашел! – крикнул он еще издали, приподнимая ведро.
– Теперь у нас два ведра!

Подойдя к родителям, Алеша, как и мама, принялся быстро работать, собирая картошки в свое ведро. А Борис Сергеевич выкопал еще десять кустов и снова пошел проверять дочку. Девочка теперь лежала с открытыми глазами, увидев отца, мило и радостно улыбнулась. Стоя у кровати, мужчина стал ласковым голосом разговаривать с ней: говорил о том, как научит ее всему тому, что сам умеет, а именно, рулить на машине, забивать гвозди, собирать грибы и ягоды, а главное, он посвятит ее в мир прекрасных русских сказок. Когда девочка устала и захныкала, Борис Сергеевич поспешил позвать свою жену, чтобы она передела и накормила ребенка.

Прошло немало месяцев, и вот девочка уже стала твердо ходить ножками и мало-помалу говорить. Борис Сергеевич стал знакомить ее со сказками. Обычно сказочные истории рассказывались по вечерам в выходные дни перед сном. Борис Сергеевич все сказки знал наизусть, он никогда не читал их по книгам и сам погружался в сказочный мир, придумы-

вая и свои сюжеты. Одной рукой он обнимал припавшую к нему на руку дочурку, а другой медленно постукивал пальцами по своей груди, при этом глаза его были всегда полужакрыты. Его герои говорили разными голосами: они могли лаять, мяукать, мычать, кукарекать, кричать, плакать и смеяться. В начале это были зайчата, волк, лиса, медведь, петух, коза, кот и другие животные и птицы, затем появились царевны и царевичи, Баба-яга и Кощей Бессмертный, Иванушка-дурачок и ворчливая старуха с дочерью и падчерицей. Голос рассказчика постоянно менялся: то он становился тихим и таинственным, то громким и страшным, и тогда Ариша еще сильнее прижималась к отцу. Она с нетерпением ждала окончания истории, когда добро победит зло. Слушая отца, девочка вместе с героями путешествовала по чистым полям, зеленым лугам, высоким горам, бывала в избушке на курьих ножках и в пещере Кощея Бессмертного, в сказочном царском саду с огненной жар-птицей, на взморье у высокого дуба и в других таинственных местах.

Потом приходила Елизавета Павловна, отвернувшись, передевалась в ночную сорочку и ложилась на соседнюю кровать, стоявшую у другой стены. Она облегченно вздыхала, поправляла подушки и с головой погружалась в свои мысли и планы. Борис Сергеевич теперь тише говорил, и Ариша старалась не проявлять бурно свои эмоции. Но как только одна сказка заканчивалась, она опять радовалась, что все хорошо закончилось, вздыхала и просила тоненьким голосом:

– Еще одну сказку расскажи, папа.

– А волшебное слово?

– Пожалуйста.

И снова они путешествовали по сказочным лесам, чистым полям, каменным горам, туда, где нога человека не ступала и ворон боялся летать, встречались со страшной Бабой-ягой и Кощеем Бессмертным, с лешим, водяным, русалками, злой мачехой и доброй падчерицей. Но самые любимые образы у нее были женские: Василиса-Премудрая, Елена-Прекрасная, Аленушка и падчерица Настенька. Главные герои совершали хорошие добрые поступки, а злые делали плохие, но плохие поступки всегда наказывались. Некоторые фразы из сказок Борис Сергеевич просил повторять, и она повторяла: «Слабым помогать. Стариков уважать. Мать, отца не забывать. О добрых делах помнить».

Затем Ариша переходила на мамину кровать. Мама обычно уже спала, и девочка укладывалась рядом, прижимаясь к ее большой теплой спине. Сразу же засыпал и папа, и даже начинал храпеть. Ариша вздыхала, пыталась заснуть, но сон никак не шел: герои крутились в ее голове. Вот Иван-царевич скачет на сером волке, вот Аленушка спасает брата Иванушку, а вот Мороз Иванович усиливает мороз, стуча посохом, и ей самой как будто становилось холодно. Потом другая картинка перед глазами: прекрасные царевны в красивых нарядах грациозно передвигаются, опустив длинные ресницы, и такие же прекрасные царевичи ищут их. Затем

она думала, какое же доброе дело сделать, кому помочь, но никак не могла придумать. Свет от фонаря, расположенного напротив окна спальни просачивался через щель между двумя шторами и падал на стену, лучик иногда двигался по стене, то ли от колыхающихся на ветру веток деревьев, то ли от изредка проезжающих машин с включенными фарами. Ариша, не хотевшая спать, наблюдала за этим лучиком, или смотрела на спящих родителей, или на фонарь в окне и не понимала, что быть рядом с папой и мамой – это и есть самое настоящее детское счастье.

Глава 2. Сюрприз для дочери

Ариша просыпается поздно, почти в полдень. В воскресенье она спит долго, потому что не надо идти в детский сад. Через окно просачивается дневной свет, солнечные лучи уже покинули спальню и теперь перешли на другие окна в доме. У мамы отпуск почти три месяца, а папа по выходным дома. Ариша прислушивается: с улицы доносится гул проезжающих машин, а в доме тихо, значит все на улице. И я тоже пойду на улицу. Умоюсь, попью чай и на улицу, а лучше к отцу в гараж. Ариша натягивает коротенький трикотажный халат, трясет волосами, потом спускает с кровати ноги, надевает тапочки, встает и выходит через порог из комнаты. Пройдя пустой зал, где даже кота не было, она вышла в коридор, заглянула в просторную кухню с холодной нетопленной летом печкой, потом зачем-то заглянула и в Алешину комнату, тоже пустую, и вышла на веранду, состоящую из двух помещений. В первой летней комнате висел рукомошник, она подошла к нему вплотную и стала толкать снизу серенькую палочку. Полилась водичка: такая приятная, теплая, видимо, от солнца нагрелась. Затем Ариша прошла в другую летнюю комнату, побольше, где они обедали только летом. На веранде большие во всю стену окна с белыми подоконниками и белым просвечивающим тюлем. Вторая дверь, ведущая во двор, была открыта и занавешена белой легкой што-

рой. Слабый ветер надувал ее как паруса, и она красиво колыбалась внутрь помещения. Большой стол с цветастой клеенчатой скатертью, на котором стоял самовар, сахарница, заварочный чайник и тарелка блинов, накрытая крышкой, волшебным образом манил к себе. Ариша садится на один из высоких стульев, подвигает к себе чашечку и ставит ее под носик самовара. Горячая вода струйкой льется в чашку. Затем следовали заварка, сахарный песок и блинчики. Ариша пила чай с блинчиком и видела в окно сквозь тюль, как мама склонилась над грядкой с клубникой и собирает ягоды. Потом будет варить варенье в летней кухне, – подумала она, – и снова будет такой вкусный аромат от кипящих в сладком сиропе ягод. А Алеша будет заходить и есть пенку, потому что мама только пенку разрешает, а она не любит пенку и ждет варенья. У мамы оно очень вкусное получается.

Слышится лай собаки и голос брата: «Сидеть! На место!» Опять воспитывает собаку. А папу не слышно, наверное, в гараже возится. Пойду-ка я к нему. И Ариша, убрав за собой в раковину чашку, спустилась по ступенькам крыльца, потом решила снять тапочки, и, держа их в руках, босиком побежала по теплым тротуарам мимо мамы, та только взглянула на нее и снова продолжила собирать ягоды. Позади остались вольер, баня, Алешин гараж, там росло множество кустарников малины, красной и черной смородины, другие деревья и кустарники. Солнце так приятно светило, воздух теплый, сухой, птички рядом на деревьях щебечут. И так хо-

рошо сегодня, так хорошо! И вот она уже на переднем дворе: здесь длинные клумбы цветов из астр, маргариток, ноготков и других цветов, дорожка, ведущая к калитке. Сегодня не видно папиной большой машины, потому что у папы выходной. Направо тротуар, ведущий в гараж. Деревянный тротуар светлый и свежий, потому что папа с братом недавно меняли доски на новые, и даже ей давали забить несколько гвоздиков, правда у нее плохо получалось, и Алеша смеялся, говоря, что это не девичье дело забивать гвозди. Зато папа терпеливо учил ее, как правильно держать молоток и как забивать маленькие гвозди. В некоторых досках так и остались ее прибитые погнутые гвозди – результат ее труда. А еще папа учил ее пилить ножовкой доски, но у нее совсем не получалось, тогда папа сказал: «Годика через два снова попробуешь», на что Ариша охотно согласилась, ей пока и гвоздей хватило, она даже пальчик один повредила, стукнув случайно молотком. Хорошо, что удар был очень слабый, а то бы хуже было намного, как сказал папа.

Вот и дверь гаража, она открыта. Ариша снова надевает тапочки, потому что в гараже пол холодный, на цыпочках входит в большое гаражное помещение. Чего здесь только не было: пилы, ножовки, гвозди, шурупы разной ширины и длины, аккуратно сортированные по ящикам, веревки, шины, рабочий стол со множеством инструментов, станок электрический на специальном рабочем столе в углу, на котором отец точил ножи и другие металлические предметы, молот-

ки, отвертки, гайки, а также банки красок для покраски полов и окон, бутылки с машинным маслом, различные шланги, шины для машины, моторы для лодок и многое другое. И все в большом количестве, как будто это был магазин инструментов и всевозможных запчастей. Посередине гаража стоял белый Москвич и под ним яма. Вот в этой яме Ариша и обнаружила отца. Заметив смотрящую на него сверху дочь, Борис Сергеевич расплылся в улыбке, вытер рукавом лоб и сказал:

– Проснулась? Ты подожди немножко. Я вот закончу здесь и покажу тебе кое-что, я кое-что для тебя сделал.

Ариша только кивнула головой, задумалась, что папа для нее сделал, и продолжила осмотр гаража. Она двигалась от одной стены к другой, шла и удивлялась, какой у папы порядок, как все продумано и аккуратно сложено. Вот она остановилась около целого ряда ящичков с гвоздями. На первом месте слева стоял совсем маленький ящик с совсем маленькими гвоздиками, на втором месте побольше, и гвоздики побольше, потом еще побольше ящик и еще, и в конце совсем большой ящик с совсем большими гвоздями. Та же картина с веревками, которые висели на гвоздях на стене: в начале ряда маленький гвоздик с тоненькой скрученной веревочкой, затем побольше и так далее. И так по всему гаражу. Арише нравился, очень нравился отцовский порядок, и она решила, когда и у нее будет своя комната, у нее тоже будет такой же порядок. Ариша разглядывала висевшие на стене разнооб-

разные веревки и даже не заметила, как рядом с ней оказался отец. Он протянул над ней свою руку, чтобы снять с гвоздя одну из веревок, и с радостной ноткой в голосе произнес:

– Вот это мне и надо.

– А зачем тебе веревка? – поинтересовалась Ариша, повернувшись к отцу и глядя на него теперь снизу вверх.

– Эта веревка называется шпагат, – поправил он дочку, – Потому что она толще, и нити у нее скрученные.

– Понятно, – сказала Ариша, хотя ей было не совсем понятно, – Это для сюрприза? – догадалась она.

– Да, да, для сюрприза, – улыбался Борис Сергеевич, и морщинки окружили его глаза.

Ариша не понимала, почему у папы морщинки, а у нее нет.

– Пошли, пошли, – перебил ее мысли Борис Сергеевич, – Качели будем вешать.

– Качели, качели! Для меня качели! – радовалась Ариша, ступая за отцом.

Около гаража напротив маминого цветника росли две высокие белоствольные березы, на одной из которых отцом был установлен скворечник, из которого уже вылетали подросшие птенцы. С ранней весны и до осени пение птиц на деревьях не умолкало. Под одной из этих берез лежала странная маленькая скамейка без ножек, сделанная из дерева и покрашенная в белый цвет. Борис Сергеевич ловко схватил это сооружение и на глазах удивленной девочки продел веревки в

заранее просверленные дырочки, затем пошел за лестницей на задний двор и уже минут через десять, приставив лестницу к дереву, взбирался наверх, там он привязал к перекладине концы веревок и, довольный, спустился. Все это время, затаив дыхание, Ариша наблюдала за его работой. Наконец, установка качелей была завершена. Ариша устроилась на сидении, затем оттолкнулась ногами от земли и засмеялась от радости.

– Ну как? – спрашивал Борис Сергеевич, обходя вокруг и осматривая свою работу, – Все ли хорошо?

– Все хорошо, папа! – радостно восклицала Ариша, отталкиваясь ногами от земли.

– Получается?

– Получается! – звонко выкрикивала девочка.

Ариша раскачивалась все сильнее и сильнее и с детской благодарностью посматривала на отца.

– Нравится? – спрашивал он, щурясь и сам улыбаясь.

– Очень нравится, папа!

– А волшебное слово?

– Спасибо, папа!

Глава 3. Поговори со мною, мама

Мама Ариши всегда была занята, так казалось девочке. У нее много работы в школе, дома и на огороде. А вот папа, в отличие от мамы, мог вечером после работы лечь отдохнуть в своей берлоге, так он называл их спальню. Конечно, папа старался помогать маме, но были такие дела как, например, проверка тетрадей, глажка белья, штопанье носков, приготовление мучных изделий, вот тут он не мог помочь.

Борис Сергеевич нередко ездил в дальние рейсы до маленьких и не очень маленьких деревень, а иногда до города. С рейсов он приезжал уставший и сразу после ужина ложился отдыхать. Ариша жалела отца и чтоб как-то помочь ему, сидела на его кровати и гладила его натруженные жилистые руки, что отцу, конечно, очень нравилось. Иногда заходил проверить отца и Алеша, он садился на мамину кровать и, наклонившись вперед, пристально смотрел на отца своими чисто голубыми глазами, обрамленными темными ресницами. Алеша любил поговорить с отцом о предстоящей рыбалке или поездке в лес за грибами и ягодами, а еще спрашивал, когда отец научит его стрелять из ружья. Борису Сергеевичу нравились разговоры с сыном о лесе, и они вместе углублялись в мечты, вместе планировали построить несколько избушек в местах, где растет много ягод и грибов, или где водится много рыбы. Разговоры о лесе не очень были интересны

Арише, ведь она еще ни разу не была в лесу и не представляла, как там. В такие минуты она спускалась с кровати, перелезала через высокий порог спальни, проходила мимо спящего в кресле кота по прозвищу Персик, останавливалась, чтобы его погладить, и направлялась в сторону кухни, где обычно мама проверяла тетради своих учеников. В зале осенью и зимой сидеть было холодно, а в кухне часть помещения занимала русская печка, которая хорошо обогривала и кухню, и ближайшую маленькую комнату, куда планировала переселиться потом Ариша.

Ариша шла и думала: наверное, мама уже закончила проверять тетради, и у нее на сегодня больше не будет дел, и, возможно, она поговорит со мной, расскажет что-нибудь интересное. Так хочется поговорить с мамой, просто поговорить, без всяких ее дел и забот. И вот Ариша с надеждой заходит в кухню. Елизавета Павловна с красной ручкой в правой руке сидит за большим кухонным столом, застланным наполовину белой хлопчатобумажной скатертью, другую часть стола она оставляла, чтобы можно было попить чай. На столе две стопки тетрадей и учебник с надписью «Ботаника». Мама берет одну из тетрадей, раскрывает ее на нужной странице и внимательно, со спокойно-величавым выражением проверяет и ставит оценку.

Ариша тихонько проходит к столу, садится у занавешенного окна, наливает себе чай и достает из вазочки шоколадную конфетку. Она болтает ногами под столом и смотрит по

сторонам. На печи стоит большая чугунная сковородка, в которой после ужина еще остались котлеты, вкусные жирные мамины котлеты. Ариша съела целую большую котлету, и теперь очень хотелось пить. Елизавета Павловна только мельком взглянула на дочь и снова продолжила внимательно проверять тетради учеников. Ариша пила чай и продолжала разглядывать маму. Мама сидит ровно, у нее всегда ровная, прямая осанка. Лицо у мамы приятное, доброе, нос прямой, аккуратной рот бантиком, вся она какая-то мягкая, с румяными щечками и длинной толстой косой, которую убирает наверх, когда идет на работу. Особенно хорош был ее чистый и ровный лоб над тонкими бровями. Почему же тогда у мамы такой громкий и строгий голос, он ей совсем не подходит, и даже папа часто говорит: «Лиза, убери свой учительский тон!» Мама смягчается, но ненадолго, потом опять начинает говорить строго и громко.

Ариша громко отпивает чай, на что Елизавета Павловна исподлобья смотрит на дочь, прям как воспитательница в детском саду. Ариша вздрагивает от ее колючего взгляда и еще больше сгибается. «Не сутулься!», – говорит ей мама строгим голосом и снова погружается в проверку тетрадей. Ариша выпрямляется, ей хочется быть такой же ровной, как мама.

Тетради наконец-то заканчиваются. Ну вот, – думает Ариша, – сейчас мама уберет тетради и перевоплотится из строгой учительницы в добрую маму, и даже выделит для нее,

для своей единственной дочери, немного своего драгоценного времени. И вот уже Елизавета Павловна на глазах радостной дочери убирает тетради в сумку. Ариша пристально, с надеждой, смотрит на мать. Но тут Елизавета Павловна достает новую стопку тетрадей и другой учебник, на котором написано теперь «Зоология», поправляет на плечах белый ажурный платок, и, не глядя на дочку, снова погружается в учительскую работу. Уголки Аришиных губ опускаются вниз, она еле сдерживает себя, чтоб не всхлипнуть, встанет со стула и снова направляется к отцу в спальню. В зале она задерживается, остановившись у большого фикуса в углу комнаты, трогает листья, такие большие, больше ее ладоней. На стене тоже цветы, они свисают чуть ли не до пола, и на столе цветы. Сколько их здесь много, и за всеми мама успевает ухаживать, на все находит время, а на нее нет. Тяжело бьют часы восемь раз. Ариша шмыгает носом и открывает дверь спальни. Алеши там уже нет, видимо, он ушел делать уроки, а отец, услышав хлопнувшую дверь, открыл глаза и полусонно произнес:

– Где же ты ходишь, дочка? Я уж тебя заждался в своей берлоге. Хотел тебе рассказать одну из сказок Пушкина.

Глаза у Ариши загорелись, она быстренько взобралась на кровать, перелезла через отца, ближе к стене, где висел ковер, легла на отцовскую руку и с любопытством спросила:

– Папа, а кто такой Пушкин?

– Пушкин – это великий русский поэт. Он написал много

стихотаорений, поэм, повестей и сказок. У него очень хорошие сказки, и я буду их тебе рассказывать.

Ариша прижимается к отцу, одной рукой обнимает его поперх груди и ждет. Борис Сергеевич, как обычно, прикрывает глаза и кладет свободную руку на грудь рядом с маленькой рукой дочери.

– У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том, – начинает он таинственным голосом, – И днем и ночью кот ученый, все ходит по цепи кругом...

Ариша слушает, внимает и шепотом повторяет:

– Там на неведанных дорожках следы невиданных зверей, избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.